

КУЛЬТУРА ИЛИ КУЛЬТУРЫ?

К.Э. РАЗЛОГОВ

До сих пор в качестве актуальных подаются дискуссии относительно цивилизационного выбора России: то ли Россия должна рассматриваться в качестве европейской державы, реализующей европейские ценности, то ли ее судьба — некое евразийство. Поэтому, вступая в дискуссию о самоопределении и роли российской культуры в современном мире, представляется важным отметить тенденцию глобального перехода от вертикальной, европоцентристской модели культуры — к горизонтальной, как я бы ее назвал, шарообразной модели, связанной с массовой культурой. И эта тенденция не зависит от текущих дискуссий.

Европоцентризм — часть ушедшей в прошлое еще в конце XIX в. вертикальной модели культуры. В этой модели все люди делятся на более или менее культурных, а то и вовсе некультурных. В вершине пирамиды стоит Господь Бог, далее священнослужители, интерпретирующие Его учение, далее интеллигенция, распространяющая его, а внизу огромные некультурные, необразованные, непонятно какие массы, в том числе живущие на Востоке и в далеких странах, которые не окультурены еще Европой и не получили соответствующего культурно-просветительского импульса. С позиций этой модели вполне обоснованными выглядят мнения о катастрофизме культуры современной России в духе покойного А.И. Комеча, утверждавшего, что мы были европейской державой, у нас была европейская культура, но вот последние годы, из-за того, что мы так настойчиво разрушаем наследие, мы перестаем быть европейцами.

Вертикальная модель на самом деле имеет отношение к традиции, имеет отношение к прошлому, но, на мой взгляд, не имеет абсолютно никакого отношения к тому, что происходит в культуре и с культурой сейчас.

На мой взгляд, в том, что мы перестаем быть европейцами, состоит единственная надежда на то, что у нас есть некоторое будущее, отличное от того будущего, которое уготовано Европе. И единственный путь к тому, чтобы у России было

будущее, это чтобы она была спасена от общего упадка, который сейчас уже в Европе царит. Размышление о том, какое именно будущее ожидает Европу и почему, достаточно далеко отстоит от темы данного обсуждения, но упоминание этого обстоятельства важно для существенного поворота в понимании современной культурной ситуации и того, каким образом мы вписываемся или не вписываемся в нее.

Можно напомнить: когда была провозглашена перестройка и было ясно, что мы можем идти по любому избранному пути, то было предложено два направления, которые были заявлены как один. Один путь — это путь к рыночной экономике со всеми безобразиями, сотворенными незадачливыми реформаторами, хотя к собственно рыночной экономике в строгом смысле слова это довольно трудно отнести. Другой путь был предложен культурой — путь возвращения традиций, если очень сильно огрублено — обратно к православию, к средневековью, чем дальше, тем глубже.

И когда одна рука двигалась очень быстро куда-то вперед, а другая рука двигалась очень быстро куда-то назад, естественно, в головах появился раздрай и абсолютное непонимание того, что происходит. Сейчас стало более-менее ясно: если мы хотя бы такими непонятными толчками движемся к так называемой рыночной экономике, то рыночная экономика движет нас к культуре макдоналдса и кока-колы. Глобальной культурой становится та культура, которой живет весь мир. Телевидение, например, вовсе не производит передачи и не занимается пропагандой, а производит платежеспособного зрителя, оно обязано показывать все, что держит зрителя у экрана, особенно того зрителя, который имеет деньги. Как говорил Достоевский, трезво оценивая ситуацию, если бы он показал голую задницу, наверно, все с удовольствием на это бы поглазели. Вот сейчас эту голую задницу показывают в больших количествах, и люди на это с удовольствием смотрят, ну, с удовольствием или с отвращением, это как кому повезет, на каждый тип удовольствия есть свой любитель, скажем так. Но при этом главная задача этого механизма, который называется телевизор, — чтобы зрители сидели у экрана и благодаря тому, что зрители сидят у экрана, можно было требовать с рекламодателя боль-

ше денег за каждую минуту рекламы, хотя цена на рекламу у нас еще значительно отстает от американской.

Эта тенденция абсолютно нормальна с того момента, как мы провозгласили рынок, и она, естественно, радикально противостоит той тенденции, которая требует возвращения к вертикали российской культуры как европейской в стремлении присоединиться к абсолютным ценностям, которые распространяются из Европы к нам, как они раньше распространялись из Европы на весь оставшийся мир. Конечно, если эту вертикаль воспринимать как универсальную, если считать, что на этой вертикали строится весь мировой порядок.

И здесь я перехожу к тому, как эту дилемму можно, на мой взгляд, разрешить. Об этом тоже многие думают и многие говорят. Да, глобальная система культуры трансформируется, да, глобальная система переходит от европоцентристской вертикали к горизонтали массовой культуры, которая многими воспринимается почему-то как американская. На самом деле глобальная массовая культура имеет к традиционной американской национальной культуре такое же отношение, как к русской национальной культуре, как к британской национальной культуре, как к испанской национальной культуре. Глобальная массовая культура функционирует как некий плавильный котел, перерабатывающий элементы самых разных культур: сказочных фантазий, видеоигр, популярной восточной музыки, латиноамериканских мелодий и сериалов, русской классической литературы и средневековых легенд. Так случилось, что центр распространения всего этого оказался в американском штате Калифорния, который такое же чуждое звено в Соединенных Штатах Америки, как, скажем, Москва — чуждое звено на территории России, и живет этот штат абсолютно по своим законам, которые в США воспринимаются как враждебные, чуждые, античеловеческие, абсолютно непонятно откуда взявшиеся и абсолютно не лежащие на традиционные американские ценности, так же как московская элита не ложится на традиционные российские ценности...

Приведу пример, чтобы было понятно, что я имею в виду, говоря о чуждости распространения глобальной куль-

туры уже в американской глубинке. Как известно, в штате Калифорния более 30% жителей за последние 25 лет составляют выходцы из Юго-Восточной Азии — из Вьетнама, Китая, Японии, сейчас уже и Кореи и Таиланда. И, собственно говоря, эта массовая культура в значительно большей степени похожа на японскую видеоигру, чем на американский вестерн, если брать такую чисто национальную американскую продукцию. Когда я делал не так давно фестиваль американского кино в Москве, то мы показали то американское кино, которое связано с американской культурой, и абсолютно не похоже на то, что делается в Голливуде, и которое воспринимает Голливуд как врага, который давит, останавливает, не дает развиваться и т.д.. Как его воспринимаем мы, французы или кто-то еще. Это сочетание глобальной массовой культуры с разными субкультурами, где национальные культуры становятся из точки отсчета лишь одной из возможных субкультур, этнические культуры становятся другой возможной субкультурой, языковые культуры, скажем русскоязычная культура, становится третьей возможной субкультурой, религиозные конфессии: христианство, мусульманство и буддизм — это с одной стороны, православие, протестантизм и католичество, с другой — становятся другими субкультурами.

Кроме того, существуют субкультуры сексуальных меньшинств, субкультуры собирателей спичечных коробков, есть субкультуры поклонников Мадонны или Майкла Джексона и т.д. и т.п. И в каждой из этих субкультур продолжает господствовать пирамида: каждая из этих субкультур выстраивает свою систему ценностей, свои иерархии, своих жрецов, своих богов, своих более или менее культурных людей, т.е. более или менее знающих, на чем эта субкультура основывается.

Одной из таких субкультур становится культура творческой интеллигенции, в том числе культура университетских профессоров, специалистов по разного рода культурным процессам. И трагедия, которую переживает интеллектуальное сословие во всем мире, — с одной стороны, она была выражена П. Бурдьё, с другой стороны — Д.С. Лихачевым, — заключается вовсе не в том, что эта культура исчеза-

ет, а именно в том, что из главной ведущей силы в культурном развитии она становится одной из субкультур наряду с субкультурой детей младше семи лет, субкультурой американских индейцев или эскимосов. Субкультуры интеллигентов, эскимосов или детей формируются соответствующими сообществами, которые придерживаются аналогичных идеалов и представлений, в них есть иерархия, в соответствии с которой эти ценности распределяются, но за пределами данного сообщества его субкультура в лучшем случае экзотична, в лучшем случае на нее смотрят со стороны.

По свидетельству социологов, то, что мы называем культурой, и то, что показывает канал «Культура», может заинтересовать от 3 до 7 процентов населения. Не более, но и не менее. Когда мне говорят на канале «Культура»: у нас будет рейтинг выше 10%! Вот пришло новое начальство, вот мы сейчас... Да, можно сделать рейтинг больше 10%, но тогда вы будете должны делать то, что делает канал ТНТ, т.е. показывать Дом-2, «Окна»... Если вы будете показывать то, что вы показываете, у вас максимум 7%, нормально 3,5% и 3% должно быть нижней границей. Для сравнения — у немецко-французского канала «Арте» рейтинг от 2% до 4%. У канала «Культура» — выше, в районе 5 — 6%. Наверное, благодаря тому, что то сословие, которое у нас любит «высокую» культуру, в значительно меньшей степени занято на работе, чем аналогичное сословие, скажем, во Франции или Германии, и, как следствие, оно более заинтересовано в такого рода продукции.

Фактически, это переход от одного типа представлений о культуре, которое я назвал вертикальным европоцентристским, к другому типу представлений. Культура за XX век стала по-другому функционировать. Произошло это по разным причинам, о которых можно говорить часами. Главное, это привело к тому, что духовные лидеры человечества превратились в неких экзотических существ, которые формируют свою субкультуру, которая не исчезает и не исчезнет, пока есть носители этой культуры, пока есть университеты, пока есть профессора, культурологи. По крайней мере, пока есть еще два-три поколения впереди, она никуда не денется. Единственное, она никогда уже не будет определять, «что

такое хорошо и что такое плохо» в глобальном масштабе. «Что такое хорошо и что такое плохо» в глобальном масштабе будут определять массы людей через своих представителей, контролирующих денежные потоки и количество появлений человека на экране телевизора. Абсолютно безотносительно, что за ним стоит и что именно он представляет. Эта драма в известной мере была драмой многих других традиционных интеллигентов XX века, которые продолжали придерживаться системы ценностей, которой они были обучены и в которой они были воспитаны, и в которой были воспитаны и мы лет 40 тому назад, получая высшее образование, и теми реальными процессами в культуре, в которых мы живем. И если мы в этих процессах участвуем, если мы не ушли куда-то в изучение глубокой древности, то мы вынуждены признать, что культура «работает» именно так. А дальше — наша задача попытаться это понять.

КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК ПРОВОКАЦИЯ ИМПЕРСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ. *

В.К. КАНТОР

Имперская тема неожиданно, казалось бы, стала актуальной в сегодняшней России. Останавливаться на причинах этого не буду. Хочу только сразу сказать: когда говорят о советской империи, у меня ощущение, что происходит некая подмена понятий, поскольку я для себя выделяю два типа: тип имперский, рожденный европейской культурой, и тип восточной деспотии, которая внешне, формально, вроде бы похожа на империю — много народов... Но если империя строится на идее наднационального блага, надэтнической структуры, то восточная деспотия строится на подавлении всех народов. Сталинский период это, конечно, вариант деспотии и, может быть, только начиная с Хрущева, был эле-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке научного фонда ГУ-ВШЭ, грант 08-01-0021.